

Суровцева Екатерина Владимировна

[А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И А. Д. САХАРОВ: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ "ПИСЬМА ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА" И ЕЁ ВОСПРИЯТИЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ \(М. АГУРСКИЙ\)](#)

В данной статье дается характеристика особому эпистолярному жанру - жанру "письма вождю"; кратко анализируется письмо-декларация А. И. Солженицына "Письмо вождям Советского Союза" (это своеобразный "урок царям") и его полемика с А. Д. Сахаровым вокруг данного текста. Солженицын и Сахаров расходятся во взглядах на существующую идеологию, на национальную проблему, на демократизацию страны, на судьбы русского народа в XX веке. Рассматривается также восприятие полемики Солженицына и Сахарова М. Агурским.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/45.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 159-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE USE OF INFORMATION AND EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT

Stepanova Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Institute of Arts and Information Technologies (Branch in the Moscow Region)
of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences
3it-s@mail.ru

In the article the issue of the use of information and educational technologies during foreign language classes in a non-linguistic higher education establishment is considered. The role of internet-resources, multimedia tools, digital educational resources and game technologies in efficiency of educational process, in realization of the goal and tasks of foreign language teaching of students is shown.

Key words and phrases: information technologies; educational technologies; internet-resources; multimedia tools; digital educational resources; game technologies.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В данной статье дается характеристика особому эпистолярному жанру – жанру «письма вождю»; кратко анализируется письмо-декларация А. И. Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» (это своеобразный «урок царям») и его полемика с А. Д. Сахаровым вокруг данного текста. Солженицын и Сахаров расходятся во взглядах на существующую идеологию, на национальную проблему, на демократизацию страны, на судьбы русского народа в XX веке. Рассматривается также восприятие полемики Солженицына и Сахарова М. Агурским.

Ключевые слова и фразы: эпистолярная литература; «письмо вождю»; русская литература; цензура; литература и власть; А. И. Солженицын; А. Д. Сахаров.

Суровцева Екатерина Владимировна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И А. Д. САХАРОВ: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ «ПИСЬМА ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» И ЕЁ ВОСПРИЯТИЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ (М. АГУРСКИЙ)©

В контексте рассматриваемого нами жанра «письма вождю», то есть высокопоставленным лицам, созданным в советскую эпоху, необходимо проанализировать самое, пожалуй, известное обращение А. И. Солженицына «наверх» – письмо-декларацию «Письмо вождям Советского Союза» [4, с. 148-186], написанное в августе 1973 года в Рождестве-на-Истье (под городом Наро-Фоминском Московской области). «Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы?» [Там же, с. 148]. Форма письма не была лишь жанровым приёмом. Основная мысль текста – идея об искажающем влиянии идеологии на развитие страны, на народ. Солженицын обращает внимание «вождей» на две опасности, грозящие нашей стране: «война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли» [Там же, с. 150]. Писатель обращается «наверх» из чувства патриотизма в надежде, что этот «верх» «не безнационален» [Там же, с. 149], иначе этим двум сторонам говорить не о чем. Александр Исаевич говорит о том, как пострадал русский народ в течение XX века; о том, что самые страшные войны – войны идеологические; о том, что успехи во внешней политике не должны опьянять, ибо далеко не всё так блестяще, как может показаться. Автор письма знает, что имеет дело с реалистами, и поэтому предлагает преобразования, осуществление которых считает реальными. «Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождение женщин от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправление школы, детского воспитания, спасение почвы, вод, всей русской природы, восстановление здоровых городов, освоение Северо-Востока – и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний, придуманных интернациональных задач...» [Там же, с. 183]. Подвергнув марксизм резкой критике, Александр Исаевич всё же не предлагает бороться с ним, он предлагает «спастись от него самим» [Там же, с. 178], а для этого надо всего лишь лишиться его государственной поддержки. Солженицын выделяет такие бьющие в глаза преступления идеологии, как всеобщая ложь, «централизация всех видов духовной деятельности» [Там же, с. 171], отсутствие здоровой тишины, падение нравственности. Писатель считает, что только при помощи христианства можно исцелить Россию, причём он не просит никаких льгот для него, он думает, что вполне достаточно христианство не подавлять [Там же, с. 183]. Солженицын создаёт своё письмо потому, что не может молчать: «Этим письмом я <...> беру на себя тяжёлую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять – ответственность ещё большая» [Там же, с. 188]. Большое значение Солженицын придаёт национальным соображениям.

«Письмо вождям» по своей сути публицистично. В нём автор, как было показано ранее, излагает свои идеи относительно преобразования страны. Александр Исаевич всю свою жизнь находился в принципиальной

оппозиции к советской власти и к советской идеологии, что отразилось, впрочем, не только в этом письме, но и во всех других письмах, обращённых «наверх». В этом письме писатель представляет свои взгляды на развитие страны как логически аргументированную систему. Писатель беседует с вождями как равный с равными, он не боится откровенно высказать своё несогласие с ними. В этом выразилась одна из основных черт Александра Исаевича – бескомпромиссность в отстаивании своего мнения, в отстаивании истины.

5 сентября письмо отнесено в ЦК КПСС. Никакой реакции от властей не последовало. «—Письм вождям» было взято в работу только через месяц, в конце сентября 1973 года. Сначала с ним, по указанию Суслова, ознакомились только Косыгин, Подгорный и Андропов. 4 октября появилась резолюция Брежнева: «—Ознакомить членов ПБ (вкруговую)». В конце декабря появилась ещё одна резолюция генсека: «Мы обсуждали вопрос о Солженицыне по частям на нескольких заседаниях ПБ – считаю, что необходимо, чтобы все товарищи прочли его письмо». На документе расписались все до единого члены ПБ, но автору «—Письм» никакого ответа никогда не было» [2, с. 683]. В январе 1974 года текст был отправлен для публикации за границу (первая публикация состоялась в издательстве «УМКА-Press»), где переиздавался много раз.

«Письмо вождям Советского Союза» не прошло незамеченным ни в русской эмиграции, ни в Советском Союзе. 3 апреля 1974 года А. Д. Сахаров пишет статью под названием «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза»» [3, с. 63-72]. Сахаров с большим уважением говорит о Солженицыне, поддерживает некоторые его идеи, однако, не согласен со многими его положениями. По мнению Сахарова, Солженицын «недооценивает роль идеологического фактора в современном советском обществе. Отсюда его вера в то, что замена марксизма на здоровую идеологию, в качестве которой ему рисуется, по-видимому, православие, спасёт русский народ. Эта уверенность лежит в основе всей его концепции. Но я убеждён, что в действительности националистическая и изоляционистская направленность мысли Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными. <...> Великорусский национализм, энтузиазм в освоении целины – ведь всё это уже использовалось и используется. Призыв к патриотизму – это уж совсем из арсенала официальной пропаганды» [Там же, с. 71-72]. Сахаров не поддерживает идеи Солженицына о том, что наша страна не созрела для демократического строя, и авторитарный строй, если он базируется на принципах законности и православия, не так уж плох, ведь при этом строе Россия сохранила своё национальное здоровье вплоть до XX века.

18 ноября 1974 г. Солженицын написал ответ Сахарову – «Сахаров и «Нисьмо вождям»» [4, с. 215-222]. Ответ Александра Исаевича был отложен до появления сборника «Из-под глыб», где выяснились те же самые кардинальные вопросы, на статьи которого Александр Исаевич неоднократно ссылается. Солженицын пишет, что ему и вовсе не пришлось бы отвечать на критику, «если бы среди первых же критиков не оказался А. Д. Сахаров, чьё особенное положение в стране и моё к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания» [Там же, с. 215]. Солженицын с удовлетворением отмечает сходство их позиций по многим вопросам. Основные пункты расхождений таковы: «роль Идеологии в СССР» [Там же, с. 216] (Сахаров считает, что она почти не имеет значения; Солженицын же говорит, что «если все не верят (в Идеологию – прим. автора Е. С.; курсив Солженицына – прим. автора Е. С.) и все подчиняются – это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу её» [Там же, с. 217], которая выражается в ужасающем лицемерии); «допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии» [Там же, с. 218]. Солженицын с огорчением пишет, что ему было «фальшиво приписано вместо сомнений о внезапной введении демократии в сегодняшнем СССР – полное отвращение к демократии вообще» [Там же], а это, на наш взгляд, явное непонимание позиции Александра Исаевича, даже некоторое «передёргивание» его позиции.

Недоумение Солженицына вызывает обвинение со стороны Сахарова в «великорусском национализме». Александр Исаевич с горечью замечает: «За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже – о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной гидрой» [Там же, с. 220]. Солженицын считает, что в данном случае Сахаров стал невольным выразителем мнения целого слоя в «образованном классе».

В «Письме вождям» Солженицын особо выделил жертвы и страдания русского народа. Сахаров же считает, что под колёса тоталитаризма попали и русские, и нерусские – в равной мере. Однако Солженицын настаивает, что всё-таки это не совсем так: Гражданская война, большевистский террор, «раскулачивание», «расказачивание» прошли, прежде всего, по русским и украинцам, не говоря уже о глумлении над русской культурой. Солженицын пишет, что «лишь с конца 30-х годов, когда два наибольших народа были уже убиты и по социалистической переменчивой тактике... пришло время перенести давление на малые народы, – только с этих пор слышали мы о национальном угнетении в СССР, что тоже совершенно верно» [Там же, с. 221]. Александр Исаевич не входит во второстепенные разногласия с Сахаровым (например, в вопросе о том, можно ли верить в конвергенцию). Солженицын удивляет, что Сахаров «допустил большую небрежность в истолковании... точки зрения (Солженицына – прим. автора – Е. С.)» [Там же, с. 222], что ни о «идеологическом изоляционизме», ни о чём подобном он и близко не говорил. «Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение»».

В нынешнем Сборнике («Из-под глыб» – прим. автора – Е. С.) разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти путь раскаяния, самоограничения и внутреннего развития, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «—прагматическая дипломатия» и никакие ООНовские голосования не спасут человечество от гибели» [Там же].

Сахаров этой дискуссии не продолжил. Мы предполагаем, что причина этого – строгая идеологическая цензура, существовавшая в СССР.

Интересный отклик на дискуссию Солженицына и Сахарова мы находим в статье М. Агурского [1], опубликованной в эмигрантской печати. В рамках данной статьи мы не будем подробно анализировать все положения Агурского, требующие самостоятельного вдумчивого анализа, сосредоточимся только на его соображениях относительно полемики Александра Исаевича и Андрея Дмитриевича. Михаил Самуилович высказывает свои соображения относительно роли идеологии в СССР, отмечая правоту как Сахарова, так и Солженицына (в большей степени, нежели Сахарова): «Требую от властей отказа от тоталитарной марксистской идеологии, Солженицын совершенно прав, ибо именно обетшальный марксизм превратился ныне в подлинный тормоз всякого истинного прогресса не только в СССР, но и во всём мире. Академик Сахаров также во многом прав, говоря, что реальная советская политика как внутренняя, так и внешняя, не мотивирована идеологически. Но от этого вовсе не уменьшается опасность марксистской идеологии, как официальной идеологии СССР. Прежде всего, она оказывает огромное развращающее воздействие на население, привыкающее с детства к тому, что идеологическая ложь, цинизм и лицемерие становятся законом жизни. <...> И хотя важнейшие решения, действительно, мотивируются не идеологически, наличие армии наёмных марксистов, наличие могущественного пропагандистского аппарата в партийных органах, не может не оказывать пагубного воздействия на многие стороны жизни страны, в особенности, на её духовную жизнь. Академик Сахаров, к сожалению, недооценивает огромной нравственной и социальной вредности этого влияния, ограничиваясь лишь проблемой мотивировки государственных решений» [Там же, с. 223]. Можно сказать, что Агурский с известной долей критичности воспринимает позицию Сахарова: «Создаётся впечатление, что академик Сахаров, несомненно исходя из самых благородных побуждений, всегда отличавших его деятельность, повторяет некоторые существовавшие заблуждения дореволюционной русской либеральной интеллигенции, полагавшей, что простое провозглашение демократии приведёт Россию в состояние благополучия и свобод. Но вместо этого либеральная демократия, сменившая самодержавие в феврале 1917 г., ввергла страну в кровавый хаос, который она не смогла контролировать» [Там же, с. 224]. В то же время «[т]о же, что предлагает Солженицын, является результатом критического анализа истории России, и хотя его письмо содержит ряд спорных положений, выдвигаемые в нем предложения, прагматичны и конструктивны» [Там же]. В конце цитируемой статьи Агурский приходит к выводу, что «со временем, точка зрения, высказанная Солженицыным, будет приобретать всё больше сторонников, несмотря на то, что сейчас её разделяет ещё небольшое количество людей» [Там же, с. 225]. На наш взгляд, в процитированном отрывке нашла своё отражение высокая оценка Агурским «Письма» Солженицына, признание значимости данного текста для осмысления судьбы России как в прошлом, так и в настоящем.

Проблема восприятия солженицынского «Письма вождам Советского Союза» современниками требует дальнейшего кропотливого анализа. Так, заслуживают отдельного рассмотрения полемика с основными положениями «Письма» Р. Медведева и обсуждение солженицынского текста русской эмиграцией (в том числе необходимо более подробно и полное рассмотрение взглядов цитированного в нашей статье М. Агурского). Кроме того, на наш взгляд, «Письмо вождам Советского Союза» типологически близко к письму Л. Н. Толстого Николаю II «Царю и его помощникам» (1901), и это предположение требует подробного обоснования. Отдельная тема – сопоставление «Письма» А. И. Солженицына и таких текстов, как «Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю Александру Николаевичу в 1832 году» М. П. Погодина и «Записка о внутреннем состоянии России» К. Аксакова (1855) на имя Александра II. Эти произведения, по сути, находятся на грани эпистолярного жанра и публицистики, поэтому необходим их детальный анализ с целью выявления всех особенностей их жанровой природы. Разработка заявленной нами темы будет продолжена.

Список литературы

1. Агурский М. Международное значение «Письма к вождам» // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва, 1974. № 112-113. С. 217-225.
2. Сараскина Л. И. Александр Солженицын. Серия «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается». М.: Молодая гвардия, 2008. 935 с.
3. Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1990. 336 с.
4. Солженицын А. И. Публицистика: в 3-х т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995. Т. 1. Статьи и речи. 616 с.

A. I. SOLZHENITSYN AND A. D. SAKHAROV: DISCUSSION ON “LETTER TO THE SOVIET LEADERS” AND ITS PERCEPTION IN THE EMIGRE PRESS (M. AGURSKY)

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
M. V. Lomonosov Moscow State University
surovtseva-ekaterina@yandex.ru

The article characterizes a special epistolary genre – a “letter to the leader” genre. The author presents a brief analysis of a letter-declaration by A. I. Solzhenitsyn “Letter to the Soviet Leaders” (a kind of “lesson to the tsars”) and his dispute with A. D. Sakharov on this text. Solzhenitsyn and Sakharov have different views on the existing ideology, on the national problem, on democratization of the country, on the destiny of the Russian people in the XX century. The paper also investigates the perception of the debates between Solzhenitsyn and Sakharov by M. Agursky.

Key words and phrases: epistolary literature; “letter to the leader”; Russian literature; censorship; literature and power; A. I. Solzhenitsyn; A. D. Sakharov.